

*Моим замечательным читателям,
которые даже не подозревают,
какое дарят мне вдохновение*

Плей-лист Хессы

- The Fray*, «Never Say Never»
Imagine Dragons, «Demons»
The Civil Wars, «Poison & Wine»
Эд Ширан, «I'm a Mess»
The 1975, «Robbers»
One Direction, «Change Your Ticket»
Уикенд, «The Hills»
Эндрю Белл, «In My Veins»
The Cab, «Endlessly»
Хэлси, «Colors»
Келли Кларксон, «Beautiful Disaster»
Passenger, «Let Her Go»
A Great Big World, ft. Кристина Агилера,
«Say Something»
Хантер Хейз, «All You Ever»
Von Iver, «Blood Bank»
One Direction, «Night Changes»
Рон Поуп, «A Drop in the Ocean»
Джон Мэйер, «Heartbreak Warfare»
Джон Маклафлин, «Beautiful Disaster»
One Direction, «Through the Dark»
Coldplay, «Shiver»
Kodaline, «All I Want»
Сия, «Breathe Me»

Часть первая. ДО

В детстве мальчик часто думал, кем станет, когда вырастет. Полицейским? Учителем?

Мамин хахаль Вэнс зарабатывал тем, что читал книги. Вот ведь работа!.. Насчет собственного будущего мальчик сомневался, поскольку талантами не обладал. Не умел петь, как Джосс, его одноклассник; не умел складывать и вычитать большие числа, как Анжела; не умел выступать перед классом, не то что смешной и горластый Кэлвин. Зато ему нравилось читать книги. Каждую неделю Вэнс приносил книгу, а то и две; если Вэнс подолгу не приходил, мальчик от скуки принимался перечитывать потрепанные томики любимых авторов, не теряя веры, что однажды добрый человек все же принесет еще. Мальчик рос, прибавляя по дюйму в две недели, и становился умнее с каждой прочитанной книгой.

Менялись и родители: отец чаще орал и напивался; мать уставала и плакала по ночам все отчаянней. В стенах маленького дома витал крепкий запах табачного дыма и чего похуже. В мойке на кухне копилась посуда, а дыхание отца разило скотчем. Шли месяцы, и мальчик порой забывал, как отец выглядит.

Хотя Вэнс стал заглядывать чаще, мальчик едва ли заметил, как изменились по ночам стоны матери.

Он завел друзей, то есть друга. Со временем друг переехал, и мальчик не стал заводить новых приятелей. Ему и так было неплохо.

В ночь, когда пришел незнакомец, мальчик полностью изменился — увидев, что человек сделал с матерью. Мальчик загрубел и озлобился. Отец постепенно стал чужим, а вскоре и вовсе перестал приползать в их маленький грязный домишко. Когда отец исчез, мальчик испытал облегчение: никакой больше выпивки и сломанной мебели. Отец оставил после себя лишь мальчишку-безотцовщину и гору полупустых сигаретных пачек в гостиной.

Мальчику не нравился вкус дыма, зато нравилось, как дым наполняет легкие. Вскоре он все выкурил и начал сам покупать сигареты. Завел друзей — если, конечно, друзьями можно назвать шпану, от которой одни неприятности. Мальчик стал пропадать по ночам. Безобидные поначалу ложь и проделки превратились в серьезные правонарушения. Ребята понимали, что поступают плохо — очень и очень плохо, — но им было весело. Они ощущали свободу и силу, в жилах бурлила кровь. С каждой украденной невинностью сердце билось сильнее; голод рос, росла и смелость, ощущение безнаказанности.

Мальчик оставался в компании самым мягким, хотя и утратил то, что некогда заставляло его мечтать о карьере пожарного или учителя. Он развил в себе странное отношение к женщинам: ему хотелось их ласк, и в то же время он сторонился эмоциональной близости. Даже маме он перестал говорить простое: «Я тебя люблю». В принципе, он и дома-то почти не появлялся. Дом теперь стал

местом, куда приходят посылки. Посылки из штата Вашингтон, от Вэнса.

Вэнс его тоже бросил.

Мальчик нравился девочкам. Те вешались на него, глубоко впиваясь ему в плечи ногтями, а он им врал, целовал их и трахал. После секса он не ласкал их, спеша убраться, пока они не отдышались. Днем веселился, а ночью отрывался. Тусил в переулке позади винной лавки или в магазинчике папаши Марка, прожигал жизнь. Обносил винные лавки, снимал непростительное домашнее порно. Он перестал что-либо чувствовать, кроме гнева и высокомерия.

Наконец матери осточертело его поведение; больше не хватало ни средств, ни терпения. Отцу предложили работу в университете, в Штатах. Точнее в штате Вашингтон. Там же, где жил Вэнс, в одном с ним городе. Добрый человек и плохой вновь сошлись в одном месте.

Мать, наверное, думала, что сын не подслушает, как она договаривается с отцом — договаривается, чтобы сбавить его. Папаша образумился и завел себе подружку, милую женщину, которой мальчик завидовал: отец ей достался в хорошей форме. С подружкой он ужинал на трезвую голову, подружке говорил ласковые слова.

Перебравшись к отцу, мальчик — невзирая на уговоры — поселился в общежитии. Само жилье ему не сильно понравилось, зато появилась приличная комната, своя. Какое облегчение. Дома, в Хэмпстеде, у мальчика была каморка вдвое меньше размером; ванная там кишела жуками, и негде было пристроить книги.

Поначалу он держался особняком, не торопясь заводить друзей. Толпа вокруг него собралась не сразу, и мальчик снова встал на скользкий путь.

В Америке он встретил практически полного своего двойника Марка и решил, что в жизни все идет своим ходом. Смирился с постоянным одиночеством. У него хорошо получалось причинять людям боль. Он обидел еще одну девушку, ощутив потом, как вверх и вниз по спине ходит дикая волна разрушительной энергии. Мальчик запил — как до того пил отец, худший из лицемеров.

Мальчику, впрочем, было плевать. Он очерствел, а друзья помогали забыть, что ничего стоящего в жизни нет.

Натали

Встретив голубоглазую брюнетку, он понял, что жизнь приготовила новые испытания. Это было самое кроткое и доброе создание, какое он встречал... А девушка в него влюбилась.

Выдернув Натали из чистого и безупречного мирка, мальчик бросил ее жизнь в темный и безжалостный мир. Из-за его бессердечия девушка стала изгоем; сперва ее выгнали из церкви, потом и из дома. Среди фанатичных, помешанных на религии соседей поползли злые сплетни. Девушка ошиблась в мальчике, приняв его за того, кем он быть никогда не сможет, и осталась одна.

Чаша терпения матери переполнилась, и она отправила сына в Америку, в штат Вашингтон, поближе к отцу. Родной Лондон окончательно отказался от него. Мальчик наконец обрел одиночество.

* * *

Церковь переполнена, на скамьях нет свободного места. Все собрались жарким июльским днем воздать хвалу Господу. Так каждую неделю приходят одни и те же люди, которых я помню по именам и фамилиям.

В этом маленьком приходе моя семья — как короли.

Младшая сестренка сидит рядом, в переднем ряду, и ковыряет старое расщепленное дерево скамьи. Недавно церковь получила грант на ремонт интерьера, а мы, молодые, собираем пожертвования. На этой неделе нам поручено найти краску и обновить скамьи. Я вечерами ходила от одного магазина хозтоваров к другому.

Словно в подтверждение тщетности моих усилий, раздается тихий щелчок — Сесили оторвала щепку. Ногти у нее окрашены в розовый, в тон бантику в темно-каштановых волосах, но сколько же в ней тяги к разрушению!

— Сесили, не надо, нам их на следующей неделе красить. — Бережно беру ее за маленькие ручонки, и она слегка дуется. — Можешь вместе с нами их покрасить, и они будут как новые. Тебе же нравится красить?

Улыбаюсь, и сестренка улыбается в ответ. У нее нет одного зубика, и это смотрится очень мило. Сесили кивает, тряхнув кудряшками. Мама эти кудряшки ей все утро накручивала.

Пастор заканчивает проповедь, и мои родители, взявшись за руки, идут в переднюю часть церкви. В голове гудят слова о грехе и вечных муках, а по спине скатываются капельки пота. В церкви так

жарко, что у мамы уже потекли тоналка и тушь. На следующей неделе поставят кондиционер... по крайней мере, должны поставить. Даже я не выдержу службы в такой духоте. Скажусь в следующий раз больной и не приду.

После службы мама подходит к жене пастора поговорить. Мама восхищается этой женщиной, очень, пожалуй, даже чересчур. Полин, первая леди нашей церкви, весьма суровая особа, не обремененная сочувствием к окружающим. Потому, наверное, маму и тянет к ней.

Машу рукой Томасу, единственному моему ровеснику в молодежной группе. Проходя мимо, он — вместе с семьей, спешащей с остальными на свежий воздух, — машет мне в ответ. Я утираю потные ладони о бледно-голубое платье.

— Отведешь Сесили к машине? — просит папа, улыбаясь мне с пониманием.

Он хочет отвлечь маму от разговора. Мама — из тех женщин, что могут с тобой три раза попрощаться, но продолжают после этого говорить, говорить, говорить...

Тут я в папу: он может сказать всего пару слов, и в них будет содержания куда больше. Папа, кстати, очень гордится, что я вся в него: мне достались его тихий нрав, темные волосы, светло-голубые глаза (самые заметные черты) и даже рост. Точнее, отсутствие роста: мы едва ли достигаем пяти с половиной футов, хотя папа все же чуточку выше меня. Мама дразнит, что Сесили годам так к десяти перерастет нас обоих.

Кивнув папе, беру сестренку за руку. Она забегает вперед, маленькая и юркая, протискивается к выходу через толпу. Хочу остановить ее, но Сеси-

ли оборачивается и одаривает меня широкой улыбкой. Остается бежать за ней следом. Проносимся вниз по крыльцу, летим к лужайке. Сесили огибает пожилую пару и с визгом уходит от столкновения с Тайлером Кентоном, самым вредным мальчишкой в приходе. Я смеюсь. Солнце ярко светит в глаза, воздух наполняет легкие. Бегу все быстрее, пока Сесили, споткнувшись, не падает на газон. Опускаюсь рядом на колени, убираю волосы у сестренки с лица. На глазах у Сесили набухают слезы, нижняя губа дрожит.

— Платье... — Белое платьишко и правда в зеленых пятнах от сока травы. — Пропало!

Она хочет спрятать личико в грязные ладошки, но я перехватываю ей руки.

— Ничего оно не пропало, — улыбаясь, тихо говорю я. — Отстираем.

Пальцем утираю слезинку у нее со щеки. Сестренка хлюпает носом, не верит.

— У меня такое уже бывало. Раз тридцать, наверное, — заверяю Сесили, лгу ей.

Она с трудом улыбается и отвечает:

— Неправда. — Ну вот, раскусила.

Тогда я обнимаю ее и помогаю встать. Оглядываю ее бледные ручонки: не пропустила ли чего, нет ли царапины. Веду Сесили обратно к церкви, на парковку. Родители как раз вышли; значит, папе наконец удалось оторвать маму от сплетен.

По дороге домой мы с Сесили сидим на заднем сиденье, и я рисую маленьких бабочек в ее любимой раскраске. Папа с мамой обсуждают проблему: к нам в мусорные баки повадились лазить еноты. Наконец он останавливается на подъездной дорожке, но мотор не глушит. Сесили целует меня в щеку